

КІЕВСКАЯ СТАРИЦА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ.

Годъ восьмой.

ТОМЪ XXVI.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Происхождение русской великой княгини Ольги св. IV—V. (Окончаніе). Проф. Пв. И. Малышевскаго. (1—353).
- II. Ренрутчина въ малорусской пѣснѣ (Этнографическій очеркъ). I—II. М. К. Васильева. (354—376).
- III. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ. М. И. Лилева. (377—401).
- IV. Культурныя переживанія. LI—LVII. Проф. Н. Θ. Сумцова. (402—427).
- V. На „Вовчомъ хуторѣ“. Дмитрія Марковича. (428—435).
- VI. Воспоминанія М. К. Чалаго. (436—467).
- VII. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. А. А. (468—490).
- VIII. Нечистая сила. (Повѣсть). (Окончаніе). (Съ польск.). (491—514).
- IX. Документы Извѣстія и Замѣтки. Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. Л. П. Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ. Хр. П. Ящуржинскаго. Изъ воспоминаній о быломъ. (Со словъ рассказчика). Л.*** Изъ исторіи Глушковской фабрики. Сообщ. Н. А. Добротворскій. Вариантъ пѣсни о Кармелюкѣ. Пѣсня сахарно-заводская. Малороссійская губернія П. Китицына. Странное слово.
- X. В. В. Десятилѣтіе каневской бібліотеки (1878—1887 года). В. Гаврыша. (515—549).
- XI. Для справокъ. (550—552).
- XII. Библіографія. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г. А. Степовича. Киево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени Кіевъ 1889 года П. Голубовскаго. Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Кіевъ 1889 года. И. Каманина. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По „Исторіи козаковъ“ Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ 1889 г. И. Каманина. Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 г. Wydawnictwo Przegądu Tygodniowego. Варшава. 1889. П. Новицкаго. Обзоръ газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи. (552—584).
- XII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

2) Алфавитный указатель личныхъ именъ къ наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго¹⁾.

Моя портретная галлерія.

Однихъ ужъ вѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Саади нѣкогда сказаль.

Внося въ свои „Воспоминанія“ послѣднее сказанье о гимназiи, не могу отказать себѣ въ удовольствiи поговорить на прощанье о неразлучныхъ спутникахъ пройденнаго мною пути. Мнѣ прiятно возобновить въ памяти нѣкогда дорогіе образы товарищей и пожить съ ними мысленно тою душевною жизнiю, какою жилось лѣтъ 45 тому назадъ.

До окончанiя гимназическаго курса дотянули весьма немногіе изъ насъ. Восходя, какъ по крутой лѣстницѣ, все выше и выше къ вождѣлѣнному VII классу, мы съ каждымъ годомъ теряли ихъ десятками, такъ что до конца курса насъ осталось всего лишь 14 человекъ.

Константинъ Дмитричъ Ушинскій (1824—1870). Въ 1835 году въ III классъ преобразованной семиклассной гимназiи поступилъ изъ домашняго приготовленiя новичокъ, обратившій на себя вниманiе всего класса какъ привлекательною наружностiю, такъ и своимъ почти дѣтскимъ возрастомъ: ему было неполныхъ 12 лѣтъ. Это былъ нашъ будущій педагогъ К. Д. Ушинскій, „осушившій дѣтскія слезы, ручьями лившiяся въ первыхъ рутинныхъ школахъ“, котораго „Родное слово“ и „Дѣтскій мiръ“ сдѣлались

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ № 7, июль.

незамѣнимыми учебниками и въ роскошныхъ палатахъ богача-аристократа и въ курной избѣ бѣдняка-крестьянина.

Предоставляя будущему біографу¹⁾ оцѣнить по достоинству его педагогическіе и ученые труды, я коснусь лишь моихъ личныхъ отношеній къ нему, какъ соученику-товарищу по гимназіи²⁾.

Въ годъ поступленія Константина Дмитрича въ гимназію почти половина учениковъ III класса принадлежала, какъ мы видѣли, къ аборигенамъ заведенія, прошедшимъ все мытарства повѣтоваго училища и попавшимъ въ гимназію совершенно случайно, благодаря лишь введенію устава 1828 года. Они представляли своеобразный типъ, сходный отчасти съ тѣмъ, который обрисованъ Помяловскимъ въ „Очеркахъ бурсы“. Изъ подъ розогъ Каменскаго, да изъ подъ паль Игнатьева иными они и не могли выйти; это были антики во всей первобытной ихъ дикости, съ крайне демократической закъваской. Счастливецъ, подобныхъ К. Д—чу, которые, минуя повѣтовое училище, попадали прямо въ гимназію, между нами было весьма немного: то были дѣти достаточныхъ дворянъ, имѣвшихъ возможность приготовить въ гимназію мальчика посредствомъ домашняго учителя, тогда какъ для бѣдняковъ—плебеевъ хожденіе по мукамъ было неизбежно.

На новичка Костю, мальчика женственно-деликатнаго сложенія, всегда чистенько одѣтаго, наши 18—20 лѣтніе „молодцы“, съ перваго же дня его поступленія въ ихъ общество, посмотрѣли косо и стали чинить ему разныя гадости. Дѣйствительно, по своей наружности К. Д—чь рѣзко отличался отъ взрослыхъ товарищей и выглядѣлъ между ними кровнымъ аристократикомъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Отецъ его, Дмитрій Григорьевичъ, воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона, принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ малороссійскихъ фамилій. Служилъ онъ сперва по гражданскому вѣдомству, потомъ въ 1801 году поступилъ въ формировавшійся тогда дворянскій полкъ, а оттуда въ уфимскій, съ которымъ и

¹⁾ До сихъ поръ появился въ печати лишь „Краткій біографическій очеркъ“ Фролова, Спб. 1881 г. съ портретомъ.

²⁾ Бѣглыя замѣтки о дѣтствѣ Ушинскаго сообщены мною редакціи „Народной школы“ прежде (см. „Народн. школа“ 1874 г. № 4).

участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. По окончаніи военныхъ дѣйствій, онъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

По воспитанію, по связямъ и по домашней обстановкѣ Д. Г—чъ былъ значительнымъ лицомъ въ городѣ между проживавшими тогда въ немъ дворянами. Домъ его, на возвышенномъ берегу Десны, въ самомъ концѣ города, подлѣ церкви Покрова, имѣлъ видъ барской усадьбы—съ обширнымъ дворомъ, службами и фруктовымъ садомъ, окаймленнымъ тѣнистыми липами и дубами, изрытымъ переполненными зеленью оврагами; но, несмотря на то, что Д. Г—чъ владѣлъ сотнею десятинъ пахатной земли и 30 крѣпостными, состояніе его было не изъ блестящихъ.

Въ 1835 году онъ овдовѣлъ, а въ 1837-мъ женился во второй разъ въ шостенскомъ пороховомъ заводѣ на сестрѣ генерала Гербея, послѣ чего кругъ его знакомства еще болѣе расширился. У него часто бывали гости, большею частію военные.

Въ 1840 году Д. Г—чъ былъ избранъ уѣзднымъ судьей и, судя по одному факту, нисколько не походилъ на тогдашнихъ Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ¹⁾.

При такой обстановкѣ росъ и воспитывался К. Д—чъ. Родился онъ отъ первой жены Д. Г—ча, урожденной Кашиной. Первые основы будущаго педагога были положены прочно и серьезно и этимъ онъ, какъ кажется, былъ обязанъ своей матери, о которой онъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ самой горячей любви. Хорошо составленная библіотека отца, большею частію находившаяся въ полномъ распоряженіи сына, безъ сомнѣнія, много способствовала развитію въ ребенкѣ съ ранняго возраста любви къ чтенію.

Живя дальше всѣхъ насъ отъ гимназіи, на противоположномъ концѣ города, К. Д—чъ большею частію ходилъ въ классъ пѣшкомъ, такъ какъ улицы нашего городка, по причинѣ гористой мѣстности,

¹⁾ Въ 1843 году, будучи студентомъ, я имѣлъ дѣло въ судѣ. Надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, не получая отъ меня прилагательнаго, пѣлую недѣлю кормилъ меня завтраками. Я отправился къ судѣ съ жалобой. Д. Г—чъ, посадивъ меня на дрожки, привезъ въ судѣ и послалъ сторожа за Терлецкимъ, который, по случаю праздника, въ то время ловилъ за рѣкой раковъ. Его привезли пьянаго и судья приказалъ ему выдать документъ, крѣпко намыливъ ему голову.

во всякое время года удобны для ѣзды, особенно для живущихъ въ Заручьѣ. Мальчику ежедневно приходилось прошагать туда и обратно около 6 верстъ; но онъ любилъ этотъ длинный путь, идущій по живописному крутому берегу Десны, черезъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ Покровщины и не разъ плакалъ, если ему почему либо приходилось одну или двѣ ночи провести въ городѣ. „Я бѣжалъ изъ гимназіи домой, писалъ онъ впоследствии: какъ будто меня тамъ ждало нивѣсть какое сокровище“. Такъ какъ я жилъ почти на половинѣ его пути, то, возвращаясь изъ гимназіи домой постоянно вмѣстѣ, мы скоро подружились.

Въ 1835 году 12-лѣтній Костя засталъ меня въ III классѣ, если не самымъ старѣйшимъ аборигеномъ, то все таки цѣлыми тремя годами старше себя. Несмотря, однакожь, на такое неравенство лѣтъ, К. Д., по своей развитости и по своимъ быстрымъ способностямъ, не уступалъ въ ученіи не только мнѣ, но и тѣмъ, которые были почти вдвое старѣе его.

Примыкая по семилѣтнему пребыванію въ школѣ больше къ великовозрастнымъ, я тоже на первыхъ порахъ косился на Костю, не поддаваясь сближенію съ „панычемъ“, хотя меня сразу очаровалъ этотъ умный и красивый мальчикъ: меня тянуло къ нему, такъ сказать, противъ воли. При всемъ томъ, только тогда, когда я вполне увѣрился, что душевныя его качества не менѣе симпатичны, что онъ, напр., нисколько не гордился своими сословными преимуществами, удостоивая бесѣды моихъ родныхъ и раздѣляя иногда со мной мой простой завтракъ, когда случалось ему уйти изъ дому безъ чаю,—только тогда я съ нимъ сблизился, рискнувъ даже утратить чрезъ то расположеніе старыхъ товарищей, не перестававшихъ относиться къ Костѣ съ недоброжелательствомъ за его благовоспитанность, которая мѣшала имъ втянуть новичка въ свою среду и навязать ему нравы и обычаи, усвоенные ими въ „чистилищѣ“. Но такъ какъ я пожертвовалъ ихъ дружбой не изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ, а чисто по сердечному влеченію, то такая измѣна не имѣла для меня чувствительныхъ послѣдствій, въ родѣ потасовки. Впоследствии, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ и далѣе, идя дружно впередъ, мы каждый годъ роняли на

своемъ пути этихъ ватажковъ классовыхъ, такъ что не только до 7-го, но и до 5-го класса ни одному изъ нихъ не удалось добраться.

Бесѣды наши съ Костей не всегда ограничивались однѣми школьными дразгами, мы часто разсказывали другъ другу о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Все, что онъ передавалъ мнѣ объ образѣ жизни своихъ родныхъ и знакомыхъ отца, для меня было совершенно ново, тамъ, въ этомъ недоступномъ для меня кругѣ, все было не похоже на бѣдную обстановку той среды, въ которой протекало мое невеселое дѣтство. Равнымъ образомъ все, что я сообщилъ Костѣ о себѣ, въ такой же степени интересовало его. Дружба наша росла съ лѣтами. Несмотря, однакожь, на такое сближеніе, въ домъ у него я не бывалъ въ качествѣ гостя: по своей застенчивости и неразвязности я боялся туда проникнуть. Зато онъ бывалъ у меня очень часто. Я посвятилъ его во все таинства охоты и ужения—удовольствія, до знакомства со мной ему совершенно чуждыя. Катанье на лодкѣ онъ до того полюбилъ, что, оставаясь часто въ гимназій до начала послѣобѣденныхъ уроковъ вмѣстѣ съ другими, далеко живущими товарищами онъ принималъ дѣятельное участіе въ снаряженіи преинтересной флотилии на сосѣдней лузѣ, при чемъ доски съ монастырскаго забора служили проказникамъ для устройства плотовъ. Охоты съ ружьемъ К. Д. не взлюбилъ съ перваго же разу, не могши понять удовольствія „убивать бѣдныхъ птичекъ“. Эта черта въ характерѣ К. Д.—ча, свидѣтельствующая о чрезвычайной мягкости его натуры, осталась въ немъ до смерти: онъ не позволялъ своимъ дѣтямъ убивать пойманную мышь, заставляя ихъ выпускать ее на волю.

Впрочемъ, главною цѣлю нашихъ частыхъ экскурсій за городъ и за Десну была не охота, или рыбная ловля, „а воля, просторъ, природа, прекрасныя окрестности города, душистые овраги, колышущіяся поля“. Эти то поэтическія прогулки наши глубоко запечатлѣлись въ памяти будущаго педагога и не разъ вызывали въ душѣ его живѣйшія воспоминанія; имъ онъ придавалъ впоследствии великое воспитательное значеніе.

„Я вынесъ, говоритъ онъ, изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно

соперничать вліянію педагога, что день, проведенный ребенком посреди рощи и полей, когда его головою овладѣваетъ какой то упорный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать въ себя мысль и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ“.

Природа и свобода, по его мнѣнію, два великіе фактора въ воспитаніи юноши. „Боже мой! говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ Десною!“

Каждый годъ, съ приближеніемъ экзамена, мой пріятель испытывалъ сильную тревогу. По нѣкоторымъ предметамъ, — какъ напр. по исторіи у М. Г. Ерофѣева, который отъ всей души презиралъ учебникъ Кайданова, диктуя намъ урокъ изъ нѣмецкой книжки и по математикѣ, — мы учились по запискамъ, каковыхъ никогда у Кости не водилось, а если и были какіе нибудь клочки, то и тѣ горничныя истребляли на папильотки. Онъ вовсе не способенъ былъ къ усидчивому и кропотливому труду. Дома ему часто мѣшали заниматься гости и домашніе, такъ что, прійдя въ классъ, наскоро бывало пробѣжить урокъ, или прослушаетъ какъ другой читаетъ, а придется до дѣла, отвѣчаетъ учителю лучше просидѣвшихъ за книгой до полуночи. Онъ постоянно приставалъ ко мнѣ, чтобы готовиться къ экзаменамъ съ нимъ вмѣстѣ, но я долженъ былъ ему часто въ этой просьбѣ отказывать, а тѣмъ болѣе идти къ нему для того на Покровщину: у меня, кромѣ своихъ собственныхъ занятій, были еще репетиціи съ учениками, доставлявшія мнѣ хлѣбъ насущный; не могъ же я, ради дружбы, оставить дѣтей безъ присмотра.

Въ послѣднихъ двухъ классахъ у насъ какъ то вошло въ моду „заниматься самостоятельно“, отъ помимо классныхъ уроковъ, особенно новѣйшими иностранными языками, потому что на нашихъ французовъ и нѣмцевъ тогда, какъ и теперь, полагаться слишкомъ рискованно. Когда мы были въ VI классѣ, К. Д., по его словамъ, спеціально занимался нѣмецкимъ языкомъ. Онъ сталъ приносить въ гимназію нѣмецкихъ авторовъ и какой то нѣмецкій журналъ, получаемый мачихой, и къ удивленію нашему сразу приступилъ

къ чтенію по нѣмецки безъ помощи словаря. Убѣдившись собственнымъ опытомъ, какъ трудно нашему брату достигнуть такого совершенства въ знаніи иностраннаго языка и зная притомъ степенъ подготовки Ушинскаго, мы, несмотря на то, что у него дома была учительница, настоящая нѣмка, усумнились въ его непомѣрно быстрыхъ успѣхахъ и стали надъ нимъ подтрунивать; нѣкоторые острили, что онъ, желая пустить пыль въ глаза товарищамъ, прежде всего самъ себя надуваетъ, показывая видъ, что понимаетъ что нибудь въ твореніяхъ Шиллера и Гете. Сознавая справедливость такихъ замѣчаній со стороны товарищей, я, по дружески, сталъ говорить Костѣ о его неумѣстной мистификаціи, на что онъ мнѣ тономъ убѣжденія сказалъ, что онъ не только самъ не перестанетъ читать безъ лексикона, но и мнѣ совѣтуетъ дѣлать то же.

— Да какъ же я стану читать книгу, не зная многихъ словъ? возразилъ я ему.

— Это, говорилъ онъ, ничего, что нѣкоторыя слова останутся тебѣ неизвѣстными—ты читай дальше. Понявши слѣдующую мысль, поймешь и предъидущую.

Мой пріятель и тутъ остался вѣренъ самому себѣ: не привыкши къ усидчивому труду, онъ не любилъ „возиться съ лексиконами“, а пользуясь довольно ограниченнымъ запасомъ словъ и не справляясь съ грамматикой, прямо отъ перевода нѣмецкой христоматіи, съ помощію словаря, перешагнулъ къ чтенію авторовъ.

Получивъ такимъ образомъ возможность читать больше и притомъ лучшихъ иностранныхъ писателей, Ушинскій уже въ эти годы сталъ надъ многимъ задумываться. Постоянное чтеніе, безъ разумнаго руководства, слишкомъ рано и сильно развило въ немъ мечтательность.

Дѣйствительно, на него по временамъ нападала хандра: онъ становился то задумчивымъ, то раздражительнымъ; въ спорахъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія. Заложивъ руки въ карманы, ходилъ онъ по классу, бросая по временамъ презрительно-насмѣшливые взгляды на суетившихся передъ уроками товарищей. Такая эксцентричность Кости Ушинскаго тоже была предметомъ остротъ со стороны товарищей, которыхъ не могло не задѣвать такое пренебреженіе къ нимъ. Его дразнили за то „ученѣйшимъ и философомъ“.

Что касается меня лично, то я прощалъ ему все; неровное обращеніе со мною меня не сердило; я терпѣливо переносилъ его сарказмы и важничанье.

Придетъ онъ бывало ко мнѣ и, не поздоровавшись, прямо отправляется въ садъ, ляжетъ подъ яблоней, заложивъ руки подъ голову и устремивъ свои черные блестящіе глаза въ безпредѣльную небесную синеву и остается въ такомъ созерцательномъ положеніи иногда цѣлый часъ, а я сижу себѣ въ комнатѣ и не подхожу къ нему, сдѣлавъ видъ какъ будто вовсе не замѣчаю. Соскучившись одинъ, мой Костя приходилъ ко мнѣ самъ въ комнату и, поигравши со мною въ молчанку, мало по малу разговорится и, какъ ни въ чемъ не бывало, повеселѣеть. О томъ, что роилось въ горячей головѣ юноши въ такія грустныя минуты, онъ мнѣ ничего не говорилъ, да едва ли и можетъ сказать что нибудь юноша о своихъ ясныхъ, безотчетныхъ грезахъ, когда впервые пробуждается въ немъ мысль и чувство.

Гимназическій курсъ близился къ концу. Если до сихъ поръ моему Костѣ счастливо сходили съ рукъ переводные экзамены, то окончательныя испытанія, когда приходилось отдать отчетъ со всего гимназическаго курса, не могъ не показаться страшнымъ даже такому даровитому ученику, какимъ все считали Ушинскаго. По нѣкоторымъ предметамъ мы стали прилежно готовиться вмѣстѣ — то у меня въ квартирѣ, то у него во флигелѣ или въ саду. Къ сожалѣнію, онъ увидѣлъ всю опасность своего положенія передъ самими экзаменами, когда было уже слишкомъ поздно помочь бѣдѣ: ему не дали аттестата.

Не падая духомъ, Костя сталъ собираться въ Москву держать вступительный экзаменъ въ университетъ.

— Я имъ докажу, говорилъ онъ, при прощаньи со мною, объ учителяхъ, что стою аттестата больше чѣмъ какой нибудь Лазарь Фесенко или гуляка Шабловскій.

Если, вслѣдствіе постигнувшаго его фіаско, К. Д.—чъ вынесъ изъ гимназіи чувство досады и озлобленія на нѣкоторыхъ педагоговъ, то въ душѣ его навсегда осталось глубокое чувство признательности къ обожаемому имъ директору Тимковскому. Спустя много лѣтъ послѣ выхода изъ гимназіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ К. Д.—чъ, вспоминая о Тимковскомъ, пишетъ слѣдующее:

„Миръ праху твоему почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такіа сѣмена, которыя да помогутъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ“.

Еще задолго до начала экзаменовъ изъ Харькова, изъ Кіева и изъ Москвы стали приходять восторженные письма отъ студентовъ сѣверянъ. Каждый выхвалялъ свой университетъ. Но всѣхъ краснорѣчивѣе расписывалъ бѣлокаменную Семенъ Савичъ Готовъ — студентъ-артистъ, хористъ и аферистъ. Еще будучи гимназистомъ, Савичъ отличался необыкновенною способностію къ пейзажной живописи, срисовавъ à vol d'oiseau весь городъ и славился эффектнымъ произнесеніемъ стиховъ на торжественныхъ актахъ. Поступивъ въ московскій университетъ, онъ сдѣлался отъявленнымъ меломаномъ по театральному искусству и несмѣняемымъ посѣтителемъ райка, произносилъ съ великимъ паѳосомъ знаменитые монологи изъ Уголино и Гамлета, стараясь превзойти въ декламациі самого Мочалова. Почти половину изъ окончившихъ со мною курсъ онъ склонилъ на свою сторону; другая половина направилась въ Харьковъ; на мою долю остался Кіевъ и то потому, что выборъ для меня былъ невымыслимъ.

Надобно знать, что гимназія наша, славившаяся въ достопамятное управленіе ея Тимковскимъ, за два года директорства Батаровскаго, который задался несчастною мыслию „вывести тимковщину“, уже успѣла пасть во мнѣніи всѣхъ университетовъ и нашихъ сѣверянъ стали подвергать вступительному экзамену съ большою строгостію, недоувѣряя гимназической аттестаціи; но несмотря на то, К. Д.—чъ выдержалъ экзаменъ удовлетворительно.

Въ Москвѣ, съ распростертыми объятіями, ждалъ дорогихъ гостей Сеня Готовъ. Онъ обязательно предложилъ имъ свои услуги по части найма квартиры и убѣдилъ ихъ отдать ему на сохраненіе всѣ привезенныя ими съ собой деньги. Обрадованные такой услужливостію провинціалы ввѣрили ему свои тощіе капиталы. Получивъ деньги, Савичъ исчезъ; пропалъ гдѣ то цѣлую недѣлю и явился къ своимъ любезнымъ землякамъ безъ гроша. Благодаря этому плуту,

наши сѣверяне, а въ ихъ числѣ и К. Д.—чѣ, на первыхъ же порахъ испытали большую нужду.

Разставшись съ К. Д. Ушинскимъ въ 1840 году, я совершенно потерялъ его изъ виду и не зналъ, что съ нимъ до тѣхъ поръ, пока имя его не стало извѣстнымъ въ печатномъ мірѣ. Слыша и читая о его педагогической дѣятельности, я радовался его успѣхамъ и по истинѣ гордился такимъ товарищемъ. Зналъ я и о томъ, что онъ женился счастливо и что по временамъ онъ пріѣзжалъ лѣтомъ въ родное имѣніе своей жены въ деревню Богданку (Дорошенковъ хуторъ тожъ), въ 15 верстахъ отъ Новгородсѣверска, за Десной; но мнѣ не приходилось въ то время бывать на родинѣ и я ни разу не видался съ нимъ до самой его смерти.

Подробности случившейся въ его семьѣ катастрофы переданы мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Жена его съ дѣтьми пріѣхала на хуторъ въ началѣ каникулъ. Старшій сынъ Павелъ, вырвавшійся на волю послѣ окончанія военной гимназіи, съ увлеченіемъ предавался сельскимъ удовольствіямъ—охотѣ, катанью на лодкѣ и т. п. У него было собственное ружье, заряжавшееся съ казенной части, купленное за границей и револьверъ. Однажды пріѣхали въ Богданку знакомые сверстники дѣтей, и погостивши нѣсколько дней на хуторѣ, всѣ вмѣстѣ отправились на линейкѣ въ м. Воронежъ. Паша навѣсилъ на себя всѣ свои охотничьи принадлежности: сумку, пистонницу, револьверъ и ружье. Подъѣзжая къ Воронежу, онъ соскочилъ зачѣмъ то съ линейки—сумка ударила объ револьверъ, отчего послѣдовалъ выстрѣлъ, пуля попала въ бокъ, пошла вверхъ и застряла въ плечѣ. Дали знать несчастной матери, которая и привезла едва живаго сына въ Богданку. Черезъ нѣсколько часовъ его не стало. На другой день въ полдень его похоронили, а ввечеру пріѣхалъ отецъ. Поздоровавшись съ семействомъ, онъ спросилъ о Пашѣ, ему сказали, что онъ спитъ во флигелѣ, утомившись на охотѣ. На другой день К. Д. всталъ, по обыкновенію, очень рано и вышелъ на балконъ, съ тѣмъ, чтобы идти во флигель, по пути отъ прислуги узналъ о случившемся и упалъ въ обморокъ...

Въ это самое время мнѣ случилось быть на родинѣ. Еще въ городѣ я узналъ, что К. Д. пріѣхалъ въ свою деревню.

Ну, слава Богу! наконецъ то мы увидимся ровно черезъ 30 лѣтъ. Если

для друга, по пословицѣ, семь верстѣ не околица, то не заѣхать въ товарищу, когда почтовая дорога проходитъ мимо воротъ его дома было бы непростительно неловко. И что же? Приѣзжаю на богдановскую станцію и узнаю, что два дня тому назадъ случилась печальная катастрофа.

Хорошо или дурно я поступилъ, но я не имѣлъ духу заѣхать къ старому пріятелю въ *такую* минуту.

Поровнявшись съ домомъ, я велѣлъ ямщику ѣхать шагомъ, видѣлъ своего дорогаго Костю въ бѣлой фуражкѣ быстро шагавшимъ по комнатѣ, понуривъ голову ¹⁾...

Да укрѣпить и утѣшить тебя Господь! проговорилъ я почти вслухъ, а я плохой утѣшитель страждущихъ... Да и нуждались ли осиротѣвшіе люди въ чьемъ бы то ни было утѣшеніи?...

Потеря любимаго сына неблагоприятно отозвалась какъ на здоровьѣ К. Д—ча, такъ и на его душевномъ состояніи. Онъ умеръ въ томъ же 1870 году въ Одессѣ.

Тѣло его перевезено въ Кіевъ и похоронено въ Выдубицкомъ монастырѣ, подъ огромнымъ каштановымъ деревомъ, на берегу Днѣпра.

Михаилъ Семеновичъ Горяиновъ, двоюродный братъ Г—ва, отставшаго отъ насъ съ VI класса, по болѣзни,—втеченіе почти всего гимназическаго курса, начиная съ 3-го класса, удерживалъ всегда второе мѣсто послѣ своего даровитаго земляка, хотя правду сказать, онъ никогда не считался, въ кругу товарищей, звѣздой первой величины, свѣтя, такъ сказать, не собственнымъ, а заимствованнымъ свѣтомъ.

Чрезвычайно мнительный насчетъ своего здоровья, онъ вѣчно жаловался на боль въ груди, твердя одну и ту же пѣсню: „Богъ меня убей, цѣлую ночь не спалъ“.

Добрѣйшая душа, славный товарищъ, любимецъ всего класса, никогда никого не оскорбившій даже словомъ.

Окончивъ харьковскій университетъ по факультету юридическому, онъ служилъ довольно долго въ Рязани въ должности члена окружнаго суда; потомъ переведенъ былъ въ Тулу, гдѣ и умеръ года три тому назадъ.

¹⁾ Домашніе слышали, какъ онъ рыдалъ при этомъ, какъ онъ кричалъ: „Паша! Паша! не можетъ быть“!.. Эти слова онъ не разъ повторялъ и впоследствии.